

Елена Кароль

ЭЛЬФИЙКА ВИШНЕВЫХ КРОВЕЙ
ЗАРЯ В АКАДЕМИИ КРОВИ
ПЕСЕЦ БИБЛИОТЕЧНЫЙ, ПОДВИД КРОВОЖАДНЫЙ

•
ПРЕТЕНДЕНТКА НОМЕР ДЕВЯТЬ
ПРЕТЕНДЕНТКА. ЕДИНСТВЕННАЯ И НЕПОВТОРИМАЯ

•
ЗАЗЕРКАЛЬЕ ДЛЯ ЕВЫ
СОВУШКА ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА
ДЖИНН НА ПОЛСТАВКИ
МОЛЧАНИЕ? ДОРОГО!
СВЯТАЯ. ИГРА ПО ТЕМНЫМ ПРАВИЛАМ
МОЕ СМЕРТЕЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ
ПОПАДАНКА. ЕСЛИ ВАС УБИЛИ
ПРЕСТУПНЫЙ СИМБИОЗ
БЫВШИХ НЕ БЫВАЕТ
ПЕЩЕРНОЕ РЕТРО
АРОМАТ СТРАСТИ
МОНСТР ИЗ-ПОД КРОВАТИ
ПРИКЛАДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
ЭЛЕМЕНТАЛЬНО

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Елена Кароль

ЭЛЕМЕНТАЛЬНО

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2020
САРМА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К25

Серия основана в 2011 году
Выпуск 552

Художник
В. Успенская

Кароль Е.

К25 Элементарно: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 317 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3104-5

Что страшнее: попасть под колеса автомобиля или в другой мир? Очутиться в круге призыва нерадивых студентов или в приемной декана факультета некромантии? И ладно бы в качестве призрака, что было бы вполне логично, так нет, меня в секретари зачем-то приняли! Ошибочно или согласно чьему-то коварному умыслу? И кого мне опасаться сильнее: взявшую меня на работу милую даму, собственного декана или крайне подозрительного графа, который теперь захаживает к нам, как к себе домой?

Ах, он еще и дракон?! Ох, он меня еще и замуж зовет... Точнее, перед фактом ставит. А вот с этим я еще поспорю!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Елена Кароль, 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3104-5

ПРОЛОГ

Почему, когда не везет, то не везет радикально?

Этим вопросом я задавалась уже не впервые, но лишь сегодня у меня больше не было сил противодействовать мирозданию, решившему в очередной раз проверить меня на прочность. И кажется, в последний.

А ведь так все хорошо начиналось утром!

Во-первых, я успела на маршрутку. Во-вторых, я почти сразу села на освободившееся место. В-третьих, проезжая мимо обувного магазина, увидела долгожданную рекламу о грандиозных скидках.

Но на этом белая полоса моей жизни оборвалась.

Раз — мы встали в пробку там, где ее никогда раньше не было, и это всего за пару сотен метров до места, где я работала. Два — пришлось минут десять препираться с водителем, чтобы он открыл мне дверь и я добежала бы до работы ножками. И наконец, феноменальное три — меня сбила машина!

Если честно, вообще не поняла, откуда она взялась, потому что я всегда хорошо смотрела по сторонам, прежде чем перейти дорогу. А тут бац, бдыщ, шмяк... И я лечу. Какую-то долю секунды, но лечу. Кто-то визжит, кто-то просто орет, а мне не больно и ни капельки не страшно.

Почему?

Да потому что я труп!

Несмотря на всю свою рациональность и прагматичность, это я поняла сразу. Просто сложно ошибиться, когда в откровенном шоке висишь над собственным телом, а оно лежит на асфальте лицом вниз, а под ним медленно расплывается темно-красное вязкое пятно.

Я провисела над собственным телом секунд пять, почему-то жалея лишь об одном — что так и не попала на долгожданную распродажу, после чего меня кто-то мощно дернул за шкирку, и мир завертелся, закружился, уменьшился... И потемнел.

Вот незадача! А ведь я только вчера ногти нарастила, сделав шикарный черный маникюр с золотыми кромками, и еще не успела похвастаться им перед девчонками...

Обидно!

ГЛАВА 1

— Замечательно! Просто замечательно! — Бесцеремонно ввинчивался в мой мозг чей-то язвительный и до ужаса противный голос. — Адепты, перед вами результат потрясающе наплевательского отношения к изучаемому предмету! Обратите внимание на контур: он настолько же кривой, как тропинки Центрального парка. А призывающие символы? Кто узнает хоть один — зачет без разговоров!

Судя по тому, с каким жаром противный мужик чехвостила неопознанного адепта, это дело он любил куда больше, чем похвалу.

А вот мне было плохо. Настолько, что я элементарно не могла открыть глаза, словно веки налились свинцом. Во рту точно кошки нагадили, а мышцы болят так, как будто вчера я полдня провела в спортзале. Мозг тоже отказывался размышлять здраво, и я далеко не сразу сообразила, что лежу на чем-то твердом и холодном, а противный мужик стоит прямо надо мной.

Увидеть я его смогла только минут через пять, когда набралась сил и сумела приоткрыть глаза. И сразу же поскорее закрыла, потому что увиденное мне не понравилось.

— Ну-с, уважаемые адепты, — а мужик уже чуть ли не плевался ядом, — и как мы будем это изгонять? Кто мне скажет?

И тишина...

— Заклинанием, — проблеял кто-то очень робко, когда тишина сгустилась настолько, что мне даже стало трудно дышать.

— Каки-и-им? — зловеще надавил мужик, и я только тут сообразила, кого же он мне напоминает.

Ну, точно! Савелий Иванович, наш препод по ОБЖ! Такой же нудный, противный и всех нас ненавидящий!

— Общего спектра? — проблеял кто-то еще.

— А почему-у-у? — мрачно поинтересовался преподаватель неведомых мне наук.

— Потому что мы не знаем, что это... — тихо-тихо пронеслось по невидимым рядам.

Невидимым, потому что глаза я больше не открывала.

Страшно!

— Вот! — прогромыхало над моей головой. — Наконец-то!

Следующие минуты три преподаватель очень образно и крайне цветисто описывал уровень интеллекта адепта, который умудрился призвать вместо обычного духа... Меня?

Сожалея, что под рукой нет диктофона, чтобы записать феерические перлы, я все-таки набралась смелости и приоткрыла глаза. Поняла, что это именно я лежу в каком-то мерцающем круге и именно в меня тычет пальцем сухощавый лысый мужичок, чья плюгавая внешность абсолютно не вязалась с мощным голосом. За пределами круга действительно аудитория, очень похожая на те, что были в моем институте, когда собирались несколько потоков для посещения объединенных лекций.

Нет, это, конечно, все замечательно... Но я-то тут откуда?

Не спеша вставать и заявлять о себе, я лихорадочно перебрала в памяти последнее, что помнила, и вновь впала в ступор. Вот же ешкин кот! Я что, умерла? И куда я попала? Что-то не похоже это место ни на рай, ни на ад.

Слушайте, да я же столько не грешила, чтобы попасть на практику в медучилище! Да и что с меня взять, если я уже умерла?

Кстати...

Опасливо покосилась на лежащие по обе стороны от меня руки и хрипло пискнула. Мамачки! Я кто?!

— А тем временем призванное адептом существо начинает подавать признаки жизни! — заметил мою вялую активность матерщинник. — Ну-с, нежить, представьтесь!

И развернулся ко мне, впиваясь в мое ошалевшее лицо требовательным взглядом.

Сглотнула.

Вот не хотелось мне ему представляться, хоть убей! Хотя последнее неактуально. Или нежить тоже можно убить? Черт, о чем я думаю?!

— Я жду! — зловеще поторопил меня преподаватель.

А я, когда страшно, в ступор впадаю. Ну просто в полный. Даже с дыханием проблемы начинаются. Пару лет назад меня пытались ограбить в парке, так я реально в соляной столб превратилась, и воришка просто не смог выдрать из моих окаменевших рук сумочку. Благо помощь быстро подоспела в виде

пробегающего мимо спортсмена. Но я и потом, спустя полчаса, когда меня довели до лавочки, двух слов связать не могла.

Сейчас же просто замерла, как кролик перед удавом. И вроде не трусиха в обычной жизни, но в отдельных случаях меня как будто подменяли.

— Значит, не хотим называться... — не совсем верно понял мой ступор плюгавик и угрожающе вздернул руки. Рявкнул какую-то неразбериху, и с его пальцев в мою сторону сорвались самые настоящие молнии.

Поняла, что дело пахнет жареным, и зажмурилась. Секунда, две... По телу пробежала бодрящая волна, а больше ничего не случилось. Я даже слегка осмелела и приоткрыла глаза, когда услышала:

— Хм, не действует. Странно.

Плюгавик решил обойти вокруг, словно пожелал рассмотреть меня с разных ракурсов. Тут же вспомнила, что сегодня надела очень короткую юбку, и торопливо села. Извращенец!

— Так-так... А если так?

Я его не видела (он как раз зашел мне за спину), но очень хорошо почувствовала, как под лопатку кольнуло, будто спицей. Не очень больно, а скорее неприятно. И как ни странно, но это сняло с меня весь страх, вернув в привычный боевой настрой.

— Эй, вы что себе позволяете?! Сейчас же прекратите! Не смейте делать мне больно! Я буду жаловаться вашему начальству!

— Оно говорящее! — взвизгнул кто-то в зале.

Перевела взгляд туда, но из-за мерцающего экрана не сумела разобрать, кто это сказал. Первые ряды располагались от меня метрах в пяти. И если вокруг меня было очень светло, то остальная аудитория находилась в полумраке. В общем, все было очень и очень плохо. Я ощущала себя, как какой-то диковинный зверек, выставленный в клетке на потеху публике. И, думается мне, реальность мало отличалась от моих догадок.

— Хм, оно действительно говорящее, — задумчиво подтвердил плюгавик, заканчивая обход и вставая справа от меня. — И даже разумное.

Еще с минуту потоптался напротив, почесал затылок и недовольно объявил:

— На сегодня практическое занятие завершено. На следующем занятии пишем контрольную работу по теме «Призыв астральной сущности». Все свободны.

По аудитории пронесся жалобный вой, стало светлее, и я снова впала в ступор. А все потому, что на выход шли... ну, наверное, студенты.

Но точно не люди!

О волшебном мире Гарри Поттера я смотрела лишь пару фильмов, не увлекшись фэнтезийным эпиком, книжки читала в основном о современных реалиях, но сейчас сразу поняла, что попала не к медикам, а в какое-то магическое учебное заведение. Просто одетые в голубые мантии ушастые, рогатые, клыкастые и разноцветные студенты даже исключительно теоретически не могли быть медиками. С такими-то мордами!

Хотя парочку симпатичных парнишек я заметила, но с высоты своих полноценных двадцати четырех лет, естественно, не заинтересовалась. Даже если это высшее учебное заведение и последний курс, то они все младше меня как минимум на два-три года. А в этом у меня был пунктик. Мужчина в отношениях должен быть старше. И точка.

— А ты пока посидишь здесь, — ткнул в моем направлении плюгавик и вышел из аудитории последним, предварительно убедившись, что никто не задержался.

И аудитория медленно погрузилась в полумрак.

Брр!

Судя по тому, что из трех окон поступало очень мало света, было то ли раннее утро, то ли поздний вечер, то ли просто непогода. Из-за мерцающего экрана не разобрать.

Минут пять я сидела ровно, опасаясь даже менять позу, но потом мне откровенно наскучило, и я решила подумать. Почему бы и нет? Хоть какое-то разнообразие! К тому же иногда меня действительно посещали дельные мысли.

Вот, допустим, такая: что будет, если я прикоснусь к этому мерцающему экрану, похожему то ли на льющуюся воду, то ли на энергетическую сетку из очень мелких ячеек?

Стараясь не смотреть на свою руку, которая почему-то больше всего напоминала нелепо застывший, местами потрескавшийся асфальт, я опасливо дотронулась... Нет, не дотронулась. Рука без проблем прошла сквозь экран, а я почувствовала лишь легкое покалывание во всем теле. Странно. Но...

А не пора ли мне покинуть это негостеприимное место, раз уж защита оказалась недейственной? Если подумать еще немного, то ничего хорошего меня здесь не ждало, правда, куда идти, я пока еще не знала.

Но первый пункт выполнила и буквально через несколько минут уже с любопытством выглядывала в окно, убедившись,

что дверь заперта и обычным путем мне отсюда не выйти. Окно оказалось на уровне второго и довольно высокого этажа, а вид порадовал парковой зоной. Экстримом я никогда не увлекалась, но почему-то даже не подумала остаться и дожидаться плюгавика. Да он просто мерзкий тип! Нет уж, лучше побег, а там по обстоятельствам. В любом случае хуже уже не будет.

Пока открывала невероятно тугую деревянную раму своими чудовищными руками, вспомнила парочку услышанных чуть ранее ругательств. В обычной жизни я старалась обходиться без мата, но сегодня явно был особый случай. Когда окно наконец поддалось, а я взобралась на подоконник, понадобилось еще несколько минут, чтобы заставить себя спрыгнуть. Не девятый этаж, но переломаться — запросто. Очень кстати вспомнился один из уроков ОБЖ, и я, стиснув зубы, начала экстремальный спуск, для чего легла на живот и начала медленно высовываться из окна ногами вперед до тех пор, пока не уцепилась за самый край рамы руками и не оказалась висящей снаружи максимально близко к земле.

Ну, с богом!

Земля оказалась куда ближе, чем мне подумалось вначале, и я даже ничего себе не отбила. Наверное, надо было удивиться, но мне в эту секунду показалось куда разумнее осмотреться и рвануть короткими перебежками вглубь парка, где я заметила очень симпатичный густой кустарник.

До него было метров сто, но я впервые в жизни преодолела это расстояние в считанные секунды, торопясь убраться с открытой местности как можно быстрее. Бежать оказалось невероятно легко, словно я всю жизнь только этим и занималась. Ни дыхание не сбилось, ни в бок не закололо.

Подозрительно!

Кустики оказались очень уютными, как я и предполагала, а сумерки чуть сгустились, отчего я справедливо предположила, что сейчас поздний вечер. С одной стороны, хорошо, по темноте меня вряд ли будут искать, а если и будут, то сразу не найдут. А вот с другой... Будет темно и страшно уже мне!

Или не будет?

Прошла еще немного вглубь очень странного леса, в котором не узнавала ни одного дерева, наткнулась на мощного гиганта с раскидистыми ветвями, начинающимися чуть выше моей головы, и поняла, что нашла себе убежище на ночь. Дерево очень походило на дуб, но листья были со странным красноватым отливом, и уже через несколько минут я нашла очень удобную развилку на уровне третьего этажа.

Села, вздохнула, расслабилась... И расплакалась.

Я обнимала древесного гиганта своими жуткими руками и прижималась щекой к его теплой коре, словно дерево хоть как-то могло облегчить мои страдания. Кажется, только сейчас в полной мере до меня дошел весь ужас ситуации. Я неизвестно где. Я — непонятно кто. Я не представляю, что делать дальше и у кого просить помощи. А вдруг они решат, что я — идеальный объект для опытов и исследования? Запрут в клетке и будут показывать студентам?

Не хочу!

Неожиданно со стороны учебного корпуса раздались истеричные вопли, в которых я сразу признала голос того самого плюгавого преподавателя. Только он так мастерски матерился басом. А может, и нет, ведь я больше никого тут еще не видела. Сумерки были уже довольно густыми, но я сразу заметила, как вокруг корпуса зажглись многочисленные фонари, всего через несколько секунд начавшие движение в мою сторону.

Ешкин кот! Они идут меня искать!

Если до этой минуты я просто обнималась с деревом, то сейчас мысленно умоляла его спрятать меня от всех окружающих любой ценой. Да что у меня можно взять?! И так уже умерла, превратившись в страшилище! Только и ценностей, что новая юбка из коричневой замши да золотые сережки! Деревце, а хочешь сережки, а? Обе! Только спрячь меня!

Не знаю, сколько я так просидела, трясясь и в ужасе наблюдая, как огни приближаются все неумолимее, но в какой-то момент поняла, что голоса постепенно отдаляются, а я снова одна. Уф! Неужели не нашли?! Деревце, спасибо! Даже если ты ничего специально не сделало — спасибо просто за то, что ты есть!

После пережитого стресса накатила такая дикая усталость, что я, лишь убедившись, что ночью точно не рухну на землю из этого уютного гнездышка из ветвей и листьев, вырубилась практически моментально. И снилось мне дерево, заинтересованно обнимающее меня серебристо-багровыми листьями, которые стали мне и матрасом, и подушкой, и одеялом.

Раннее утро началось для меня вместе со щебетом птиц. Я ни капли не замерзла за ночь, даже мышцы не задеревенели от сна в одной скрюченной позе, но вот проголодалась я просто зверски. Судя по тому, что вокруг были слышны лишь птичьи трели, место моего сна не пользовалось популярностью у местных. Насколько мне было видно, внизу меня тоже никто не караулил, как и в окрестностях. Прежде чем спуститься вниз, я взобралась как можно выше, чтобы осмотреться, и не пожале-

ла. Территория учебного заведения оказалась невероятно огромной и располагалась на возвышенности. Несколько учебных и жилых корпусов, объединенных арками и переходами, очень сильно напоминали жутковатый средневековый замок из темно-серого камня с покатыми черепичными крышами мрачного коричневого цвета. Самая высокая башня, по моим прикидкам, была высотой с девятиэтажный дом, остальные на уровне пяти—семи этажей. Всего их было девять. Двух- и трехэтажные корпуса я не считала, навскидку определив, что их около пары десятков. Да это настоящий ученический городок! Это сколько же тут народу обитает? Страшно даже представить!

Но... Там, где есть живые, наверняка должны быть и точки общепита. Верно? Верно!

Кстати, кроме этого ученического квартала, я не нашла никаких других домов, даже в отдалении. Либо учебное заведение находилось в захолустье, и до ближайшего населенного пункта не меньше дня пути, либо город (деревня, село) с противоположной от меня стороны, и я его банально не вижу.

В любом случае сидеть на дереве до скончания времен глупо, я намного раньше умру от голода. А поэтому... Пора на разведку.

Спускаться было страшновато, но руки и ноги как будто сами находили опору, и уже довольно скоро я стояла на земле. Только сейчас заметила, что босиком и из одежды на мне лишь замшевая юбка и белая блузка, уже основательно испачканная корой и соком листьев. Волосы растрепаны, и вчерашняя французская коса осталась там же, где и обувь, — в небытии. Щупать лицо жуткими руками не стала, но и так знала, что вся косметика поплыла, а зеркало наверняка отразит неизвестное науке чудовище, ведь у меня не только руки жуткие... Я вся жуткая!

Кстати, я теперь куда больше походила на дерево, чем на асфальт: кожа стала грубее и коричневее, покрывшись сеточкой трещин. Как будто дерево действительно меня вчера спрятало, поделившись способностью мимикрировать под окружающую среду. Совершенно ничего непонятно, но уже почти не страшно. А все потому, что слишком непонятно!

Но если помогло — то просто замечательно!

— Спасибо за ночлег, деревце, но пора и поесть, — произнесла я вполголоса, мысленно настраиваясь на позитив. Хотя откуда ему взяться при всех исходных данных, я пока не представляла.

В сторону корпусов я шла медленно, вздрагивая от каждого шороха и птичьего писка. На несколько минут замерла в кустах на границе леса и внимательно изучила все, что увидела. Кажется, учебный городок начал просыпаться, по крайней мере, в одном из корпусов началось движение, и вскоре из-за угла бодрой рысью потрусили... хм, парни. Они были одеты в короткие серые шорты до середины бедра и все как на подбор. Ну просто не университет, а армия!

Эта ассоциация пришла ко мне потому, что парни бежали стройной колонной по четыре в ряд и при этом что-то активно напевали. Я снова заметила и ушастых, и рогатых, и разноцветных как кожей, так и волосами, что окончательно убедило меня, что я не самое странное существо среди этого ужаса.

А вот интересно, если у меня непонятно откуда появилась эта странная кожа, может, она как-нибудь так же и пропадет? С надеждой посмотрела на свои руки, но то ли плохо смотрела, то ли недостаточно сильно хотела — ничего не изменилось. Ну же! Ну! Как я смогу затеряться среди окружающих, если не похожа ни на одного из них?!

Тяжело вздохнула, проводила последнего бегуна тоскливым взглядом и поняла, что если сейчас же не отправлюсь на поиски столовой, то точно съем саму себя. По крайней мере, желудок уже утробно об этом намекал.

В общем, пришлось положиться на авось и довериться интуиции, обонянию и провидению.

Следующие минут двадцать я передвигалась короткими перебежками, прячась за каждым углом, кустом и фонарем. Мимо больше никто не пробегал, но я была готова сорваться с места в любую секунду, а уж когда унюхала пока еще слабые ароматы еды, поняла, что на верном пути.

Судя по всему, зарядка была далеко не у всех курсов и факультетов, потому что уже совсем скоро я увидела и просто прогуливающих студентов. Кто в мантии, а кто и нет, но все одеты в однотипную форму, хоть и разных оттенков. Увидела и взрослых, скорее всего преподавателей, но при виде их замерла под кустом минут на десять, дожидаясь, когда они скроются в центральном четырехэтажном корпусе.

А вообще мне очень повезло с местностью, словно кто-то специально насадил вдоль корпусов различные кустарники с листьями, очень похожими на те, что у моего дуба. Они различались по форме и оттенками: от светлых до темно-зеленых, но при этом внутренняя сторона неизменно отливала багровым. Симпатично, но вместе с тем жутковато. Некоторые даже цве-

ли кроваво-красными махровыми цветами, похожими на розы, но лепестки были поглубже и помястее.

Наконец мне повезло! Я уже минут десять вдыхала умопомрачительные ароматы, доносящиеся из открытого окна, предположительно, кухни, когда на подоконник, находящийся на уровне моей макушки, поставили остужаться противень с выпечкой. Я что-то услышала, что-то додумала, что-то донюхала, но уже через три секунды, бессовестно тиснув сразу три сдобы, бежала в соседние кусты, чтобы насладиться добычей.

Божечки-кошечки, как же вкусно!!!

Булочки немного примирили меня с действительностью, и я поняла, что необходимо думать дальше. Куда идти? Что делать? Смогу ли я смешаться с толпой или все бесполезно? Так кстати вспомнились слова плюгавыча о том, что я неведомая местным зверушка, да еще и нежить.

Но прав ли он?

Мои собственные познания о нежити ограничивались несколькими фильмами о зомби, но на свежатину и мозги меня не тянуло, и я предположила, что скорее жива, чем нет. Да и булочки! Булочки врать не будут! Я же их съела, а значит, вполне живая! Только немного странная...

Мог ли тот адепт, который все неправильно сделал, напутать так сильно, что... А что? Не знаю.

Точно помню — умерла. Точно знаю — моя одежда на мне, и я ощущаю себя вполне живой.

А это значит что?

А это значит черт-те что.

Сумасшествие какое-то...

Я так сильно задумалась о случившихся со мной странно-стях, попутно передвигаясь вдоль стены под прикрытием кустов, что оказалась совершенно не готова к тому, что они внезапно закончатся и я практически столкнусь с невысокой полной женщиной, так торопливо спускающейся с крыльца, что столкновение было неизбежным.

— Ой!

Мы обе упали на местную брусчатку, причем я еще оказалась снизу, а дама рухнула на меня.

— Простите, пожалуйста! — засуетилась она, подслеповато щурясь и нелепо бултыхаясь в своем широком балахоне-мантении.

— Да ничего страшного. — Я тоже не могла встать, но только лишь потому, что она все еще практически лежала на мне.

Но вот наконец женщина сумела кое-как совладать с одеждой и даже помогла подняться мне.

— Ой, а вас-то я и жду! — обрадовалась она, все так же странно всматриваясь в мое лицо, словно где-то позабыла свои очки минус пятнадцать. — Идемте! Идемте скорее! Вы задержались на целых два дня! Как вам не стыдно?

Дама бесцеремонно схватила меня за руку и потащила обратно в корпус, из которого выскочила, болтая при этом без умолку о декане и о том, сколько скопилось документов в приемной. Я поняла, что меня с кем-то перепутали, но вот с кем — не представляла совершенно. Вырваться из цепкого захвата не было никакой возможности, и в итоге, миновав шикарное фойе, два лестничных пролета и несколько коридоров (за это время мы не встретили ни одной живой души, видимо, уже начались занятия), дама ввела меня в роскошную приемную, оформленную в условно средневековом стиле и приятных глазу темно-вишневых тонах, и властно указала на единственный свободный стульчик.

Сама подошла к огромному столу, погребенному под грудой разнообразных документов, ловко откопала в этом бумажном Эвересте один-единственный нужный лист и сунула мне под нос.

— Подписывайте, милочка!

— Но...

— Подписывайте!

Вздрогнула от ее приказного тона и багровых отблесков во внезапно потемневших глазах и без лишних вопросов подмахнула бумагу местным аналогом ручки, даже не вчитываясь в ее содержание.

— Превосходно!

Стоило мне вернуть ручку, которая под конец больно уколола мой палец, как дама мигом подобрела, а сам документ вспыхнул и исчез, оставляя меня в полной уверенности, что неприятности вышли на новый виток.

— Ну-с, милочка, приступайте. — Женщина милостиво обвела рукой фронт работ, делая акцент на столе, и бодро зацокала каблукками на выход, задержавшись лишь в дверях. — Ох, простите! Чуть не забыла. Меня зовут мистри Еванши, я старший секретарь академии. Подойду ближе к обеду, чтобы ознакомиться с остальным. А пока работайте, милочка, работайте. И так уже на два дня задержались, а приемная декана без секретаря — не приемная, а бардак. — Она как-то слишком зловеще улыбнулась и снова сверкнула глазами. — Работайте!

Даже если бы она приказала мне идти и копать отсюда и до обеда, я бы мигом рванула копать! Просто невозможно отказать, когда так убедительно просят. Из последних слов, дошедших до меня минут через пять после ее ухода, я наконец-то поняла, с кем именно меня спутали. С секретарем!

Ох, божечки-кошечки... Ну хоть не с уборщицей!

Хотя тут как посмотреть.

Судя по тому, как вспыхнула подписанная мной бумажка, я то ли душу местным продала, то ли что похуже, и трудиться мне тут не только до обеда, но и намного дольше. А вот интересно, трудоустройство спасет меня от участи лабораторной мыши?

Все эти мысли нисколько не мешали мне знакомиться с кабинетом и прикидывать, с чего начать. Больше всего хотелось умыться и переодеться, потому что вряд ли загадочного декана порадует растрепанная и чумазая секретарша.

Всего в помещении было три двери, и через одну из них, толстую, широкую, насыщенного вишневого цвета, да еще и с необычным резным узором по периметру, я попала сюда. Вторая, не менее помпезная, наверняка вела в кабинет декана, а вот третья, попроще, заинтересовала меня сильнее. Я не ошиблась в своих предположениях и нашла там небольшую, но такую нужную мне сейчас подсобку. Ну как небольшую... По сравнению с приемной, которая была размером где-то семь на семь метров. Одни только мощные деревянные стеллажи с пухлыми папками занимали всю стену, словно там хранились данные за все предыдущие годы.

Подсобка же была скромной и уютной: диванчик для отдыха, платяной шкаф, пара стульев, стол с неким подобием спиральной плитки, а над столом шкафчик, где я сразу же провела ревизию и радостно обнаружила чайные принадлежности. За платяным шкафом пряталась дверка в санузел с вполне привычным унитазом, раковиной и... зеркалом.

Оно-то и показало меня во всей красе, и несколько минут я задумчиво рассматривала свое отражение. Слезы и паника были вчера, сегодня же я испытывала желание выжить во что бы то ни стало. Даже такой, покрытой подобием древесной коры с ног до головы. Остальное отразилось без изменений, даже растрепанные, чуть-чуть волнистые волосы, которые я совсем недавно покрасила в дивный винный цвет. Может, только руки и ноги стали чуть толще, словно кора покрыла мою кожу довольно толстым слоем, а остальное ощущалось неизменным. Никакой скованности, никакой неуклюжести. Сережек в ушах, кста-

ти, не было, будто дерево действительно взяло ими плату за ночлег и укрытие.

Решив разобраться с этим вопросом чуть позже, я умылась и напилась воды прямо из-под крана, накинула поверх своей одежды черную мантию с пурпурными вставками по низу, рукавам и v-образной горловине, которую нашла в платяном шкафу (она оказалась мне немного велика, но все лучше, чем без нее), поставила греться воду, моментально разобравшись в том, как пользоваться плиткой (сбоку имелся единственный поворотный переключатель с цифровым обозначением мощности от единицы до трех), заплела волосы в косу, заварила чай, налила его в самую большую из имеющихся кружек, подсластила напиток кусковым коричневым сахаром и вернулась в приемную.

За время моего отсутствия в ней ничего не изменилось, особенно горы бумаг, складированные, кажется, везде, где только можно: на огромном столе, стульях и даже подоконнике с единственным чахлым цветком.

Полуметровый цветок, похожий на фикус Бенджамина, но с уже привычными глазу багровыми листочками, стало по-человечески жаль, и первым делом я уделила внимание ему. Сходила с ним к раковине, хорошенько промыла листья от пыли и щедро напоила водой. Вернула бедолагу обратно в приемную, но не на подоконник, где за время нашего отсутствия разъехалась бумажная гора и поглотила последний островок порядка, а на стул, куда меня принудительно усадила мистри Еванши.

Сама села за стол и следующие минут десять размеренно пила чай, потихоньку настраиваясь на продолжительный рабочий труд. С делопроизводством я была знакома очень отдаленно, окончив институт по специальности бухучет, но в целом не видела в этом деле больших сложностей. Мне бы в этом хаосе найти хотя бы должностную инструкцию, а остальное дело техники.

Хотя, кажется, техники в этом мире нет. По крайней мере, в этом кабинете я не увидела ничего похожего на компьютер, принтер, сканер и прочие технические устройства, которые считала неотъемлемой частью современной жизни.

Да какая, к лешему, техника, я в замке!

Ладно, чай закончился, пора и за работу. Подкормив фикус остатками заварки, я закатала рукава и приступила к разбору бумаг. Что примечательно, письменность я поняла так же легко, как и язык, мысленно поблагодарив мироздание за светлый проблеск в окружившей меня мрачной реальности.

Личные дела, внутренняя документация, письма, приказы... Я старательно раскладывала все по отдельным стопкам, решив, что так хотя бы пойму, с чем имею дело. За временем не следила, хотя над дверью заметила часы со стандартным двенадцатичасовым циферблатом. Сейчас на них было около одиннадцати, и, по моим мысленным прикидкам, я трудилась уже около трех часов. За это время я сумела почти освободить стол от завала, и теперь на нем лежали ровные стопочки однотипных документов, которые я уже подумывала начать раскладывать на стеллажах.

Куда-то же все это придется убирать. Осталось только понять куда...

К стеллажам я подходила неохотно, не представляя, с какой стороны к ним подступиться, но почти сразу поняла, что зря боялась. Каждая полка была подписана, хотя пришлось хорошенько присмотреться и вчитаться, чтобы понять, где стеллаж с личными делами учащихся этого года, а где архив. Где текущая внутренняя документация, а где учебные планы. Где внешняя переписка, а где остальное.

Но как только стал понятен принцип, дело пошло, и еще через два часа я уже почти освободила стол, начав с внутренней и внешней документации, рассчитывая с минимальными потерями погрузиться в окружающую меня действительность. Я выбрала верную тактику и быстро узнала название местной академии — Денрийская Магическая универсальная. Полное имя своего декана — Райвер Витт Дьюш. И факультет.

Вот последнее меня вообще не вдохновило, но выбора мне никто не предоставил. Просто «факультет боевой некромантии» как-то слишком уж жутко звучало, особенно в свете неких событий, произошедших лично со мной.

Интересно, декан меня сразу опознает, как опасное нечто, подлежащее скорейшему уничтожению, или я все-таки вытянула счастливый билетик и получила право на жизнь? А то что-то так работать понравилось... Ну где еще они возьмут такого исполнительного секретаря?

Интересно, где потерялась та, с кем меня спутали?

ГЛАВА 2

В пять минут второго дверь приемной открылась впервые за день, и меня почтила визитом мистри Еванши. Женщина вновь близоруко осмотрелась, но, кажется, заметила изменения

на столе и добродушно улыбнулась. Только сейчас я была спокойна настолько, чтобы рассмотреть ее внимательнее, и сразу подметила несколько интересных нюансов. Во-первых, она была кареглазой блондинкой лет шестидесяти и значительно ниже меня, то есть где-то метр пятьдесят. Во-вторых, ее волосы были убраны в строгий пучок на затылке, а мантия жемчужно-серого цвета с серебристой окантовкой. Ну и в-третьих, дама определенно видела все, что хотела видеть, и не обращала внимания на то, что ее не интересовало.

То есть на мой внешний вид она почти не взглянула, а вот на ровные стопочки документов одобрительно улыбнулась и даже похвалила:

— Прелестно, милочка, просто прелестно! Я рада, что не ошиблась в вас. Как, кстати, вас зовут? Что-то совсем я позабыла о манерах. В министерстве обещали прислать замену еще месяц назад, но так и не уточнили, кого именно к нам отправят.

Поначалу я даже не поверила в этот подарок судьбы и справедливо заподозрила старшего секретаря в попытке вывести меня на чистую воду, но она улыбалась приветливо, и я решила, что это всего лишь добрый знак мне и банальный недосмотр местного министерства.

— Марьяна Беренс.

Мой прадедушка был поляк, в свое время прочно осевший под Ростовом, так что среди Ивановых, Петровых и Сидоровых нашего бухгалтерского отдела я выделялась не только цветом волос и ногтей, с которыми очень любила экспериментировать, но и фамилией. Здесь же, пока разбирала личные дела, нашла очень похожие имена и фамилии, поэтому менять ничего не стала. В любом случае лучше как можно меньше врать, так минимален шанс попасться на мелочах.

— О, Марьяна! Какая прелесть! Так звали мою троюродную тетюшку, земля ей пухом! Славная была женщина, бойкая. Три раза упокаивать пришлось, — обрадовалась мистри Еванши и поманила меня пальчиком на выход. — Идемте, милочка, оставьте эти бумаги, у нас с вами заслуженный обеденный перерыв. Как вам место работы?

Щебеча обо всем, причем частенько отвлекаясь на совершенно посторонние размышления и не давая мне возможности вставить хоть слово, за следующие десять минут, которые мы неторопливо шли до столовой для персонала, старший секретарь вывалила на меня уйму ценной информации.

О распорядке дня, о работниках, о безответственных студентах, о городке в низине, до которого всего полчаса пешком,

об общежитии, где меня уже давно ожидает комнатка, о достойной заработной плате (милочка, вы же понимаете, что это лишь начало, а как заработаете стаж, так будет и все остальное!) и даже о вчерашнем подозрительном инциденте со сбежавшим призраком, который вызвали глупые медиумы-второкурсники магистра Грушко.

Кажется, последнее было обо мне, но что примечательно — призраком я себя не ощущала. То ли Еванши что-то напутала, то ли Грушко решил скрыть правду, но так или иначе мне все это было на руку.

Столовая для сотрудников находилась на втором этаже соседнего двухэтажного здания. Как я поняла со слов спутницы, все здание было одной огромной столовой, но с несколькими отдельными входами и залами: для персонала и для разных факультетов. Всего факультетов насчитывалось девять, по числу башен: от медиумов и целителей до некромантов и магов различных стихий. Обучение длилось от трех до семи лет с учетом специализации и силы мага, дольше всех обучались некроманты и целители, а меньше — медиумы. Самыми буйными во все времена считались боевики, самыми пьющими — целители, самыми мрачными — некроманты, а самыми спокойными — артефакторы. Остальные — в зависимости от личного темперамента.

Утром, кстати, я видела именно боевиков — только их день начинался и заканчивался физическими упражнениями, остальные занимались физкультурой только на уроках не чаще трех раз в неделю.

— А вот и главное помещение нашей академии, — добродушно пошутила Еванши, когда мы поднялись по внешней лестнице сразу в обеденный зал. — Трехразовое питание за счет министерства, но с единственным ограничением — ничего не выносить. Алкоголь на территории академии запрещен, но если очень хочется... — женщина многозначительно сверкнула глазами и заговорщически понизила голос, — можно все. Главное, не попадаться. Кстати, через пару недель, как ты наверняка знаешь, будет празднование осеннего равноденствия, мы с девочками, как обычно, будем отмечать у меня. Приглашаю. О, а вот и девочки!

Девочками оказались две улыбчивые женщины неопределенного возраста от тридцати до пятидесяти, обе брюнетки: остроухая худенькая и зеленокожая крупногабаритная. Мири Валенсия и мири Орра. Эльфийка и орчанка. Секретари целительского и боевого факультетов. Голубоглазая эльфийка в зе-

ленной мантии с желтой окантовкой и черноглазая орчанка — в темно-серой с черной.

Обе приняли меня очень тепло, не обратив ни малейшего внимания на состояние моей кожи, словно видели такое не впервые. Я уже окончательно перестала понимать что-либо, но уже ближе к чаю Орра, добродушно похлопав меня по руке, сказала что-то вроде того, как мне повезло пережить одну очень редкую, но в то же время жуткую болячку, поплатившись всего лишь состоянием кожи. А Валенсия тут же предложила зайти к ней на днях, мол, есть у нее парочка опытных образцов мазей и эликсиров, которые предназначены именно для улучшения состояния кожи. Поблагодарила, но для себя решила, что экспериментировать над собой не стану. А вдруг не будет и этого? Стать вообще неведомой зверушкой, когда все только начало налаживаться? Нет уж! Сначала разберусь уже с имеющимся.

Сам зал и еда мне очень понравились. Обстановка, как в дорогом кафе с уклоном в Средневековье и лишь из натуральных материалов: деревянные столики на четверых с льняными скатертями, мягкие стулья, занавески на окнах, красивые панно на каменных стенах. Еда тоже превосходная и большой выбор как первого и второго, так и десертов. Одновременно с нами обеды довольно много народу: и преподаватели, и другие сотрудники академии, которых можно было различить по мантиям или простой серой униформе. Всего я насчитала около тридцати столиков и раза в три больше обедающих. Представленные расы ошарашивали разнообразием, и я поняла, что мне нужно срочно восполнить пробелы в знаниях. Например, начав с основ расоведения. Это соседок по столу мне Еванши подробно представила, а с остальными придется разбираться самостоятельно.

Интересно, работникам можно посещать местную библиотеку?

Это я спросила у старшего секретаря уже по дороге из столовой, когда она, отметив, что у нас еще есть двадцать свободных минут, решила показать мне и общежитие для персонала.

— О, милочка, да, конечно! Только что там может быть интересного? Разве что секция с романтической прозой. — И так хитро на меня глянула, что я не стала ее разубеждать. — А вот и корпус младшего учебного состава.

Продолжая щебетать без остановки, Еванши быстро ввела меня в курс дела, кто где обитает и почему. Ректор и деканы факультетов жили в отдельных коттеджах чуть дальше, студенты — в башнях, преподаватели — в корпусе справа, младший

обслуживающий персонал — в корпусе слева, а секретари и лаборанты — в центральном, куда мы и вошли через единственную дверь двухэтажного корпуса. Первый этаж — мужской, второй — женский, причем сотрудников примерно поровну. В небольшом холле первого этажа — закуток коменданта, ответственного за ключи и порядок во всем корпусе. Когда мы вошли, самого коменданта с забавным именем (или отчеством?) Лексеич на месте не оказалось, но на столе лежала записка, а сверху ключ.

Еванши, словно заранее зная, что к чему, ознакомилась с запиской и, удовлетворенно кивнув, вручила мне самый обычный бронзовый ключ.

— Это тебе, милочка. Комнаты под номером пятьдесят семь. Хорошее число, да и в конце коридора, как раз рядом с душевой. Ближе к семи подойдешь к Лексеичу, он выдаст тебе все необходимое, а я перед сном загляну к тебе, проверю, как устроилась. А теперь за работу, Марьяна. Твой декан вернется из командировки уже послезавтра, к возвращению все должно блеснуть и сиять!

Радуюсь, что у меня в запасе еще полтора дня как минимум, я вернулась в приемную своего факультета и с новыми силами приступила к разбору завалов. Через пару часов прервалась на чай и, тщательно изучив стеллажи, наконец нашла свою должностную инструкцию. Прочла несколько раз, порадовалась, что обязанностей совсем немного и ничего сложного, а рабочий день с восьми до шести, но с тремя официальными перерывами. Один часовой обеденный и два получасовых на чай. К сожалению, рабочая неделя — шестидневная, но я справедливо прикинула, что пока вообще не представляю, чем буду заниматься в выходной. В город идти одной страшно, да и денег пока нет никаких, а навязываться кому-то постороннему, да хотя бы той же Еванши, — не в моих правилах.

Подумаю об этом потом. А пока — за дело!

До конца дня в приемную так никто и не заглянул, я даже озадачилась. То ли все студенты тут были примерными, то ли в отсутствие декана сюда никого не отправляли, но к шести я успела даже разгрести подоконник, оставив завалы на стульях на завтра. Фигус пока оставила на стуле, он смотрелся на нем куда живее, чем на окне, и, кажется, даже изредка тянул ко мне листочки, словно живой. Пару раз специально медленно провела рукой и убедилась, что все верно, — фикус реагировал на движение, но больше ничего необычного не происходило.

Ну и ладно.

Ровно в шесть я вышла из приемной, уже зная, что дверь заблокируется автоматически, среагировав на прикосновение руки к центральной панели. Об этом мне тоже успела сообщить словоохотливая Еванши, когда хвасталась новейшими артефакторными новинками лучших выпускников академии.

В тот самый момент, когда я поставила свою подпись в документе о приеме на работу и он считал мою ауру и вкусил каплю крови, я стала полноценным сотрудником академии. С учетной бухгалтерской карточкой, личным делом и секретарским доступом во все нужные помещения лишь по слепку ауры. Я далеко не все поняла, но переспрашивать не стала, боясь выдать полнейшее незнание элементарных вещей.

Одно лишь ясно: это — магия!

Ужинала я за тем же столиком, что и обедала, но в одиночестве. Судя по всему, дамы задерживались, а так как столовая была открыта до девяти, то вряд ли боялись опоздать. Я же решила, наоборот, не затягивать с едой, чтобы уделить больше времени обустройству, и в итоге уже в половине седьмого входила в спальный корпус.

На этот раз комендант оказался на месте, и я с тщательно скрываемым любопытством разглядывала маленького старичка. Кажется, это был гном или домовой, но, возможно, я и ошибалась.

Лексеич оказался доброжелательным мужчиной на вид лет восьмидесяти, но очень бодрым и сильным. Не выше метра, с русой бородой до колен, он лично донес до моих комнат постельное белье и, пока я осматривалась, пробежался по помещениям.

Да-да, мне посчастливилось получить в служебное пользование почти полноценную двухкомнатную квартиру! Почти, потому что в санузле были только унитаз и раковина, а вместо кухни — только плитка на столе у окна и небольшой холодильный шкафчик под окном. Оба бытовых устройства на магическом питании, то есть вместо привычного мне электричества — магия.

Комнаты оказались по местным меркам небольшими (это мне добродушно сообщил Лексеич, вроде как извиняясь), но чистенькими и комфортными. Легкий нежилой запах быстро выветрился благодаря распахнутым настежь окнам, а не осеннему теплая погода радовала стабильностью.

Первые полчаса я просто рассматривала доставшееся мне жилье, старательно изучая не только мебель, но и все, что так или иначе привлекало мое внимание. Гостиная, совмещенная с

прихожей: слева от двери узкий деревянный шкаф для верхней одежды и обуви, на дверце — зеркало. Чуть дальше два кресла и между ними низкий столик. Справа от окна настенный шкафчик с минимальным набором симпатичной глиняной посуды, покрытой разноцветной глазурью, и второй стол с той самой плиткой. Под столом — тумба, в которой я нашла пару алюминиевых кастрюлек и чугунную сковороду. То есть еще и некое подобие кухни, если захочется перекусить утром или вечером, не посещая столовую. На широком двустворчатом окне без форточки плотный тюль, на потолке — светильник. Принцип работы простейший, через выключатель на стене. Но опять не электричество, а магия.

На стенах светлые тканевые обои с ненавязчивым геометрическим рисунком, на полу небольшой коричневый коврик в районе кресел, а сам пол деревянный, из плотно подогнанных длинных досок, покрытых темным лаком.

Из гостиной можно было попасть в спальню, которая оказалась чуть меньше первой комнаты за счет туалета. Широкая кровать без изысков, на которой вполне можно поместиться вдвоем, если не ворочаться. Матрас мягкий, на пружинах, белье простое — белое в розовый мелкий цветочек, но новое и приятно пахнущее. Подушка одна, одеяло средней плотности, симпатичное покрывало. Кроме кровати в спальне стояли платяной двустворчатый шкаф, комод и тумбочка. На тумбочке приглушенно тикал старомодный будильник, почти такой же был у бабушки. У окна стол и стул. Все простое, светлое, деревянное, покрытое бесцветным лаком, но видно, что новое и не самое дешевое.

В общем, устроилась я хорошо.

Одно плохо — одежды и обуви никакой нет. В чем весь день проходила, то и имела на все свое пока еще не слишком определенное будущее. Хорошо хоть вместе с постельным бельем Лексеич выдал мне брусочек ароматного мыла, два полотенца (большое и маленькое) и три мантии (две ежедневные и одну праздничную), так что можно было сходить хотя бы помыться и переодеться в свежее.

Что я и сделала, радуясь, что душевая действительно буквально через пару дверей и внутри не общая помывочная, а индивидуальные кабинки из матового стекла, достаточно большие, чтобы раздеться внутри и не беспокоиться, что одежда намочнет. Всего восемь кабинок, но я насчитала лишь тридцать комнат на этаже, так что вряд ли тут бывали очереди.

Под душем я простояла не меньше получаса, наслаждаясь водой, словно впервые за долгое время. Даже не столько мы-

лась, сколько просто стояла, а затем и сидела под теплыми струями воды, позволяя ей смыть с себя усталость и грусть. Эти два дня перевернули всю мою жизнь с ног на голову. Пока пряталась и работала — не было времени думать о прошлом, но сейчас, как никогда, остро накатила тоска. О родителях, с которыми почти не общалась в последнее время, пропадая то на работе, то в клубах, то еще где-нибудь. Об однокурсниках, с которыми уже почти не поддерживала связь, хотя окончила институт всего два года назад. О коллегах, приятелях и прочих знакомых, с которыми вроде как иногда даже дружила, но ни с кем близко так и не сошлась.

И вряд ли меня вообще хватятся, разве что ближе к квартальному отчету.

Как-то это все... глупо.

Немного даже похлопала носом, но особо не сложилось. Кажется, вчерашней истерики мне хватило, и моя душевная организация оказалась толще, чем мне думалось. Вот и хорошо. А там, глядишь, и жизнь наладится.

Вот только... Что это?

Я протянула руку к полотенцу и зависла на бесконечно долгие секунды десять, озадаченно рассматривая свою полупрозрачную руку. Что за ерунда? Я опять мутировала?! Ох, божечки-кошечки! А сейчас-то почему?!

Немного запаниковала, но ума хватило завернуться в полотенце и, схватив вещи, сбежать в свою комнату. Там заперлась на ключ, не доверяя просто закрытой двери, встала перед зеркалом и обомлела.

Я стала водой!

Очуметь! А зачем?

Даже полотенце в сторону откинула, чтобы осмотреть себя со всех сторон и понять, как так. Понимала не очень, но через несколько минут мое тело начало бледнеть и истончаться, отчего я даже затаила дыхание, а еще минут через десять я стала не водяной, а воздушной.

Может, конечно, это можно было назвать как-то иначе, но как — я не знала. Я все еще ощущала свое тело, могла до себя дотронуться и взять в руки что угодно, но стала практически прозрачной, не считая глаз, волос и почему-то ногтей на руках. Того самого черного маникюра с золотой кромкой, о котором я грезилась всю прошлую неделю. Педикюр я не любила и редко красила ногти на ногах, так что сейчас они были такими же прозрачными, как и остальное мое тело.

Налюбовавшись на себя и убедившись, что ничего не понимаю, но чувствую легкую боль при щипке, а вот предметы сквозь меня проходят, особенно если очень сильно надавить (как сквозь плотное желе), накинула на себя свежую мантию и рухнула в кресло.

Мне срочно требовалось чье-то экспертное мнение. Но такое, после которого не захочется умереть и не придется сбегать.

И словно в ответ на мои безрадостные мысли в дверь бодро постучали.

— Милочка! — донесся приглушенный голос, в котором я моментально опознала Еванши. — Это я, Еванши! Ты дома?

Хм. Я-то дома, но...

Ай, была не была! Рискну!

И я, повернув ключ в замке, распахнула дверь перед старшим секретарем.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, Марьяша, — разулыбалась женщина, уже переодевшаяся в непривычное для меня довольно старомодное платье в пол нежно-василькового цвета. — Только пришла?

Она снова подслеповато шурилась и как будто бы не замечала никаких изменений в моем облике. Почему-то это вызвало во мне досаду. Вот черт! А я так на нее надеялась!

— Не совсем. Но вы проходите, не стесняйтесь.

— И правда, что это я? — игриво рассмеялась секретарь, бодро пройдя в гостиную и начав любопытно осматриваться. — Недурно, недурно... Но если что понадобится, ты сразу говори.

А вот и скажу!

— Подскажите, а когда первая зарплата?

— О, как я тебя понимаю, — рассмеялась Еванши, по-хозяйски располагаясь в кресле, словно планировала задержаться в гостях надолго. Пришлось присаживаться самой и внимать премудростям опытного старожилы. — Выплаты у нас еженедельно по субботам, подходить лично ко мне в конце рабочего дня, я заведую всем секретариатом. Раньше не было распределения по подразделениям и, бывало, такие очереди скапливались в расчетном отделе, что просто жуть! Но уже давненько ввели за правило раздавать жалованье через старших. И время экономится, и нервы. И мне известно, кто чем занят, и никакой лишней бумажной волокиты.

Прикинув, что до вожделенной первой зарплаты считанные дни, а с нее, может, даже получится приобрести что-нибудь из одежды и обуви в ближайшем городке, я успокоилась и позволила Еванши самой выбирать тему для разговора. Секретарь

меня не подвела, уделив внимание тысяче полезных для меня мелочей, тогда как мне оставалось лишь поддакивать и кивать в нужных местах. Не женщина, а просто кладезь информации!

Просидев у меня около часа, но так ничего и не сказав по поводу моего внешнего вида, Еванши ушла, а я снова задумалась. Сегодня я весь день пробегала босиком, не ощущая дискомфорта в ногах, покрытых плотной древесной корой, но если и завтра с утра ничего не изменится, то придется срочно озадачиваться обувью. Сейчас мои воздушные ступни даже на вид выглядели нежно и хрупко, а когда я их ощупала, не поленившись проделать это со всем телом, то стало ясно, что нежная я не только на вид.

Как говорится, не было печали!

Со слов Еванши я уже знала, что на территории академии нет комендантского часа как такового, но все-таки основная активность прослеживалась максимум до полуночи. Студентам крайне настоятельно не рекомендовалось заниматься чем-то, кроме учебы, и посещать комнаты противоположного пола без веской причины, а вот персонал так не ограничивали. Понятно, что не стоило лезть, куда не следует и где заперто, но никто не запрещал ночные прогулки по территории и визиты к соседям в любое время суток. Если, конечно, приглашали.

Более того, именно ночью проводились некоторые практические занятия, а буфет, библиотека и лазарет работали круглосуточно. Единственное ограничение — на ночь, с полуночи до шести, запирались ворота, в том числе и магически.

Сейчас же меня интересовала именно библиотека, и, понимая, что не усну, пока не разберусь в происходящем хотя бы немного, я отправилась на ее поиски. Естественно, надев белье под мантию, чтобы не чувствовать себя совсем уж дико. Юбку почистила, а блузку застирала, но, судя по оставшимся на ней мутным разводам, годится она теперь только разве что на тряпки. Или очень нижнюю одежду на самый крайний случай.

Хорошо, что погода пока стояла роскошная, никаких дождей и холодных ветров. А что будет, когда все изменится? Нет, даже думать не хочу об этом! Не надо!

ГЛАВА 3

Лексеич был на месте и охотно подсказал, как пройти в библиотеку, не удивившись ни моему полупрозрачному виду, ни странному вопросу в этот довольно поздний час. Под нее было

отдано целое здание, и благодаря грамотному совету коменданта, куда идти и на что обращать внимание, я нашла ее без проблем. Два этажа знаний впечатлили меня роскошным внутренним убранством и большой популярностью среди учащихся. Подобное я только в интернете видела: высоченные полки, на верхние уровни которых можно взобраться лишь с помощью специальной лестницы на колесиках, стройные ряды столиков с настольными лампами и очень усердные студенты, корпящие над толстенными фолиантами.

Первые минут десять я просто в растерянности стояла на входе, ошалело рассматривая этот оплот иномирных знаний. Понемногу пришла в себя, когда поняла, что почти не привлекаю внимания и на меня никто не показывает пальцем. Прошла вглубь библиотеки и приблизилась к столам, за которыми сидели книгохранители. Всего их оказалось пятеро, и я интуитивно выбрала в собеседники дружелюбно улыбнувшегося мне голубоватого мужчину. Не в смысле ориентации, так, навскидку, я бы ее не определила, а по цвету кожи.

— Добрый вечер. Подскажите, у вас есть учебники по расам?

— Что конкретно вас интересует, мири?

Я смутилась под его добродушным взглядом, не зная, как правильно сформулировать свой запрос, но в конце концов мы друг друга поняли, и он подтвердил, что сможет помочь мне в подборе нужной литературы. Для начала мне завели читательский билет, ни капли не удивившись тому, что я не студентка, а секретарь, после чего любезный митр Даллин принес мне несколько пухлых книг и пару брошюр, которые можно было взять на вынос. Поблагодарила от души, особенно за то, что не задавал неудобных вопросов, отчего это взрослая девица решила углубить свои познания в очевидном, и потопала домой. Начинало потихоньку темнеть, но центр учебного городка был очень хорошо освещен, и я без проблем попала обратно в общежитие.

Пудобнее устроилась в кресле и до глубокой ночи читала, куда же занесла меня нелегкая. Учебники оказались базовые, и в самом начале шло вступление о мире как таковом, чему я была безмерно рада. Мир Аларрис, шесть континентов, бесчисленное множество рас, государств и учебных заведений. Наше, кстати, входило в десятку лучших. Отрадно.

Мысленно отметив для себя, что завтра надо будет взять учебник по истории мира, углубилась в изучение рас. Возможно, истинные названия были иными и абсолютно мне незнако-

мыми, но мозг умудрялся подкидывать верные ассоциации, и я читала об эльфах, дроу, вампирах, оборотнях, демонах, гномах, сильфах, орках, дриадах и прочих вполне знакомых существах. В основном бегло, стараясь как можно быстрее найти упоминания о таких, как я, оставляя более подробное изучение других на будущее.

Повезло в одной из брошюр, посвященной редким, древним и просто вымершим расам. Судя по скудному описанию, я стала элементом — существом, умеющим перенимать свойства окружающей среды. То есть я как бы дух, но в то же время не очень. В смысле изначально бестелесное создание. Дух стихии, в которой была рождена.

Проблема в том, что я умудрилась сменить уже четыре стихии, тогда как классические элементы принадлежали только к одной. Воздушные назывались сильфами, водные — ундинами, огненные — ифритами. Лесных элементов называли нимфами, горных — троллями.

Было еще коротенькое упоминание об изначальных элементах, которые не были привязаны к определенной стихии, но они считались ушедшими в иные миры еще несколько тысячелетий назад, и, естественно, в брошюрке не прилагалось никаких инструкций по укрощению их способностей.

Что ж, главное сделано, я поняла, кем стала. Осталась сущая мелочь — разобраться с умениями и не попасть на прозекторский стол местных исследователей. Было бы еще неплохо разобраться, почему все именно так, а не иначе, но я даже примерно не представляла, кто сможет помочь мне в этом непростом деле, и поэтому решила просто принять изменения как данность. Жива, и уже прекрасно.

Утром (я поставила будильник на шесть, чтобы точно не проспять) меня посетила еще одна здравая мысль, и я, пробежавшись по учебному городку в поисках моего вчерашнего дуба, с большим трудом нашла искомое. То есть дуб.

Или не дуб, короче, то самое дерево, где провела предыдущую ночь. Чувствуя себя бесконечно нелепо, я тем не менее прижалась всем своим воздушным телом к дереву и душевно попросила:

— Деревце, ты мне очень поможешь, если снова поделишься своей внешностью. У тебя такая замечательная кора! Крепкая, плотная, красивая! Пожалуйста, разреши мне сегодня тоже побыть одной с тобой крови!

Может, это было глупо. Может, дерево никоим образом не влияло на мои способности. Может, достаточно было только

пожелать измениться мысленно или прикоснуться к желаемой структуре, чтобы перенять ее свойства, — я не знала.

Но когда через несколько минут открыла глаза и покосилась на свои руки, то поняла, что все получилось — я снова стала деревянной.

— Спасибо, деревце! Ты лучшее!

Радуюсь, что никто не видит, как одна полоумная секретарша благодарит дерево, я погладила его по стволу и даже поцеловала. Мама иногда шутливо приговаривала, что я уже родилась с придурью, частенько выделяясь среди остальных детей странными поступками, желаниями или вкусами, но именно сейчас я ощущала себя как никогда прекрасно и уместно. Слово всегда здесь жила и была именно такой — элементарной.

На завтрак я шла в отличном настроении, даже невзирая на то, что совершенно не выспалась. Подумаешь! Зато решен вопрос с обувью, и в моей голове уже сформировался более или менее приемлемый план по обустройству в новом мире. Самое главное: работу и жилье я уже нашла, то есть, конечно, они меня, но важен результат. Теперь нужно, не вызывая больших подозрений, разобраться с остальным, но и это решаемо, ведь в моем распоряжении одна из самых крупнейших библиотек континента!

Нет, все-таки очень удачно я попала. Спасибо неизвестному адепту.

Завтракала я снова одна. То ли дамы ели каждая у себя, то ли еще что, но ко мне за столик так никто и не подсел, хотя в семь утра народу в преподавательской столовой было довольно много. На меня даже посматривали с интересом, но знакомиться пока никто не спешил.

Меня это не задевало, я всегда с трудом сходилась с незнакомыми людьми и тяжело вливалась в коллектив, так что сейчас радовалась даже тому, что декан вернется в академию только завтра. Еванши сказала, что учебный год начался чуть меньше месяца назад, а конкретно мой декан вместе с несколькими преподавателями на прошлой неделе уехал на столичную конференцию. Что это была за конференция, старший секретарь мне не сообщила, но я и не спрашивала, так как голова пухла от уже полученной информации.

Рабочий день шел по плану, и к обеду я разгрела завалы и на стульях. Оставалось лишь разложить рассортированные стопки по местам, когда в моей обители появился первый посетитель. Рослый смуглый брюнет лет тридцати, одетый в старомодный темно-синий сюртук и строгие черные брюки, вошел в

приемную, как к себе домой. Скользнул по мне безразличным взглядом, дернул дверь, ведущую в кабинет декана, но та оказалась заперта. Ему это почему-то откровенно не понравилось, и он дернул еще. Да так яростно, словно планировал выдрать замок с мясом.

И, наверное, стоило промолчать, но почему-то эта мудрая мысль не пришла мне в голову.

— Добрый день, могу я вам чем-нибудь помочь? Декан вернется из столицы только завтра.

Мужчина взглянул на меня как на нечто противное, неприязненно скривил губы и вышел, так и не сказав ни слова. Я и раньше встречалась с людской грубостью, но сейчас мне стало откровенно не по себе. Будто меня намеренно унизили, прилюдно втоптав в грязь.

Какой мерзкий тип!

Хорошо хоть обеденный перерыв начался уже через десять минут, и я, с чистой совестью заперев дверь приемной, отправилась в столовую. Еванши и девочки сидели за столиком, который мысленно уже обозначила своим, и обрадовались, когда я к ним присоединилась. Несмотря на то что им всем было очень любопытно узнать, как я устроилась и как проходят мои первые трудовые будни, дамы оказались довольно тактичны и не лезли в душу. Мою внешность так и вовсе не обсуждали, словно понимали, что для меня это довольно болезненная тема. В целом так и было... Но не очень. Как только я поняла, что не чудовище, а элементаль и могу менять свою структуру, то именно древесное состояние показалось мне оптимальным. По крайней мере, на первое время. А как освоюсь, можно будет и о возвращении своего человеческого вида подумать. В этом деле, главное, понимать, что не случилось ничего непоправимого и все невзгоды — временное явление.

К тому же человеческое тело — такая хрупкая вещь... А то, что пока больше не красавица (сама себя не похвалишь...), так и вовсе сущая ерунда. Ну куда мне сейчас в красавицы и ненужное внимание привлекать? То-то же!

— Ой, опять он... — пробормотала я растерянно, когда увидела, что в столовую вошел тот самый высокомерный посетитель из приемной.

— Кто? — заинтересованно заозиралась Еванши и проследовала за моим взглядом. — О...

Не знаю, действительно ли она была подслеповата или все же прекрасно видела, но Еванши вдруг неприязненно поморщилась и моментально потеряла интерес к мужчине, присевше-

му метрах в пяти от нас за один из столиков к незнакомым мне преподавателям.

— Что он тут делает? — басовито удивилась Орра.

— Наверное, приехал к декану Дьюш, — растерянно откликнулась Валенсия, и мне показалось, что в ее взгляде промелькнуло плохо скрываемое обожание.

Я не удивилась, незнакомец действительно выглядел очень грубо, и, если бы не его высокомерный вид, я бы тоже пошла в его сторону слюнки. Широкие плечи, узкие бедра, плоский живот, породистое лицо с густыми черными бровями, яркие и очень выразительные янтарные глаза с потрясающими ресницами и едва заметная ямочка на упрямом подбородке. Наверное, аристократ в сотом поколении, не меньше. А гонору...

— А кто это вообще? — спросила я шепотом. — С полчаса назад ко мне в приемную зашел, чуть дверь в кабинет декана не выломал. Спросила, могу ли чем помочь, так таким взглядом смерил — сразу себя оборванкой почувствовала.

— А это, милочка, кузен вашего уважаемого декана, — пренебрежительно фыркнула Еванши, впервые за время нашего знакомства показывая откровенную неприязнь к человеку. — Граф Герман Раймонд Дьюш. Не поверите, но я помню его еще сопливым подростком, только-только поступившим в нашу академию. Много воды утекло с тех пор... — Взгляд женщины ненадолго затуманился, но всего через пару секунд она встрепенулась и поморщилась. — Хороший был мальчик, перспективный.

— Был?

— К сожалению, да. — Еванши недовольно поджала губы. — Некоторое время назад Герман стал главой клана, и с тех пор его как подменили. Стал грубым, высокомерным, заносчивым... Настоящим воплощением всего, чем не стоит гордиться.

— Еванши, ты слишком придирчива к мальчику, — укорила ее Валенсия и снова бросила на графа томный взгляд. — Не каждый в его годы может похвастать подобными достижениями.

— Мерзкий характер не перекроют никакие достижения, — категорично отрезала старший секретарь. — И если бы только характер! Так он снова посмел явиться к декану Дьюш! И это после прошлого отказа, прогремевшего на всю академию! И думаете зачем? А я вам скажу! Чтобы в очередной раз поругаться и довести нашего уважаемого декана до срыва! Видите ли, не

устраивает его то, чем занимается Райвер! А кто этим будет заниматься?! Он, что ли? Тьфу!

Несмотря на много слов и патетику, до конца я так и не поняла, в чем причина негодования Еванши. Расспрашивать подробности было неловко, особенно когда я поймала на себе хмурый взгляд Германа, так что чай допивали в тяжелом молчании и каждая в собственных мыслях.

После обеда я вернулась в приемную и продолжила разбор документов, но мысленно то и дело возвращалась к визиту графа. Как ни крути, а он был очень ярким мужчиной. Кажется, даже человеком, хотя не стала бы утверждать категорично. Больше десяти рас, проживающих в этом мире, имели вполне человеческую внешность. Те же оборотни, вампиры и даже драконы.

Да-да, все они в этом мире существовали!

До конца рабочего дня оставалось меньше часа, когда дверь в приемную не просто открылась, а с грохотом распахнулась, словно в нее яростно долбанул с ноги кто-нибудь размером с Ору. Но нет, на пороге появилась миниатюрная черноволосая женщина с гневно горящим взглядом, в красивом приталенном черном платье. Весь ее вид вызвал единственное желание — как можно скорее юркнуть под стол. Я лишь большим усилием воли осталась стоять у стеллажа, мысленно зывая к мирозданию быстренько освоить невидимость. И вроде просто женщина, просто расстроена... Но, когда она скользнула по мне рассеянным взглядом, направившись в сторону кабинета декана, я вздрогнула и затаила дыхание.

Если сейчас и эта посетительница выяснит, что декана нет на месте, то я ни за что не буду ей мешать взламывать дверь! Я просто сделаю вид, что все так и запланировано.

Если смогу пошевелиться.

А в следующую секунду я растерялась. Просто женщина, взявшись за дверную ручку... открыла дверь и вошла в соседний кабинет.

Не знаю, сколько я так простояла, вцепившись в папку и глупо хлопая ресницами, не понимая, как так получилось, но неожиданно дверь открылась снова, женщина выглянула, нашла взглядом меня, несколько секунд недовольно поизучала, после чего неприязненно скривила губы и буркнула:

— Кофе мне. На кружку две ложки и без сахара. И побыстрее.

Дверь закрылась, и я тихонько выдохнула, чувствуя, как начинают подрагивать колени. Либо я попала в параллельную ре-

альность, либо эта дамочка меня разыгрывает, либо... Она — декан Дьюш?!

Последнее было самым логичным, но очень неожиданным. Об этом я думала уже по пути в подсобку, куда отправилась выполнять приказ начальства. Может, я и забежала вперед и она не декан, а лишь его знакомая, имеющая доступ, но все же предпочла совместить размышления и варку кофе, чтобы не прогадать и не впасть в немилость гипотетического начальства.

Сама я кофе не очень любила, предпочитая ароматизированные чаи всех видов. Тем более не понимала напитков без сахара. Гадость та еще! Но при этом абсолютно спокойно относилась к тем, кто считал кардинально иначе. Я вообще была весьма лояльна ко всем возможным меньшинствам и прочим вегетарианцам, с пеной у рта доказывающим, что все остальные люди, едящие мясо, — монстры, недостойные жизни.

Наверное, поэтому так спокойно и пережила собственное изменение и то, что теперь меня окружали самые разнообразные нелюди.

Кофе я сварила быстро, благо понимала принцип работы плитки, а запасы были просто шикарны.

Выбрала кружку покрасивее, к ней подобрала в пару блюдце и отправилась в соседний кабинет.

Стукнула для проформы, приоткрыла, вошла... Увидела в огромном и по-настоящему роскошном кабинете среди невообразимых бумажных завалов деканский стол, за ним разглядела брюнетку и окончательно уверилась, что она — тот самый декан, который должен был вернуться из командировки только завтра.

За то время, что я варила кофе, женщина успела успокоиться и сейчас выглядела куда симпатичнее и доброжелательнее, чем всего десять минут назад. Правда, заметила я и усталость в ее удивительных фиалковых глазах, а также общее расстройство, точно тяжелым грузом лежащее на поникших плечах.

— Добрый вечер. — Я несмело улыбнулась и приблизилась, протягивая ей кружку с кофе прямо в руки, так как на столе просто не было свободного места. — Меня зовут Марьяна Беренс, я ваш секретарь. Вы ведь декан Дьюш?

— Я. — Женщина криво усмехнулась и, припав губами к напитку, блаженно прикрыла глаза. — Прости, если напугала. Нелегкий выдался денек. Смотрю, ты уже прибралась в приемной? Молодец. Как тебе у нас?

— Мне нравится, — ответила я бесхитростно, не вдаваясь в подробности. — Мистри Еванши любезно помогла мне осво-

иться. — Я отметила, с каким удовольствием декан вновь припала к кружке, а заодно мысленно прикинула кое-что другое и несмело предложила: — Вам, может, что-нибудь из буфета принести?

— Не стоит. — Декан небрежно отмахнулась и практически с ощутимой ненавистью взглянула на заваленный документами стол. — Марьяна, если не сложно, разбери весь этот бардак. И еще... — Брюнетка пожевала губами, словно подбирая слова, после чего взглянула мне прямо в глаза и честно призналась: — У меня ужасный характер, и иногда я бываю чрезмерно вспыльчива. Твоя предшественница продержалась на рабочем месте три недели, и это было еще весной. Если поймешь, что тебе со мной тяжело, — говори тут же, держать не буду. Только не убегай без предупреждения, сразу я могу и не заметить, но от этого пострадают в первую очередь обучающиеся в академии адепты. Но если все-таки решишь остаться... — Ее губы тронула сдержанная улыбка, моментально преобразившая лицо, и я увидела, какая на самом деле декан красавица. Да ей лет двадцать пять, не больше! — Я буду тебе очень признательна.

— Я буду стараться! — заявила от чистого сердца. И не только потому, что мне некуда было пойти.

Просто что-то было в этой странной женщине. Что-то такое, что подкупило меня моментально и безоговорочно. И то ли у меня материнский инстинкт проснулся, то ли просто женская солидарность, но я отчего-то мигом прониклась к ней сочувствием и поняла, как непросто в ее юные годы быть деканом. А еще кузен...

Не он ли сейчас довел моего декана?!

— Спасибо, Марьяна. — Брюнетка вручила мне уже пустую кружку и улыбнулась снова. — Наедине можешь звать меня Райвер, но при посторонних только декан Дьюш. Договорились?

— Договорились, Райвер, — улыбнулась я в ответ, удовлетворяя желание начальства, но прекрасно понимая, что по большому счету это ничего не значит. Мы слишком разные.

Но иногда даже могущественным деканам хочется ощущать себя простыми смертными.

Следующие два часа, невзирая на то, что рабочий день уже давно завершен, я выносила из кабинета декана документы и разбирала их по стопкам. Успокоилась лишь тогда, когда вынесла последнюю кипу, оставляя декана работать практически за девственно пустым столом.